

НАУЧНАЯ ПОЛЕМИКА

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-227-246

ЗАПАДНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ГОСПОДСТВО ДЕМОКРАТИИ ИЛИ НАСТУПЛЕНИЕ ДЕГУМАНИЗАЦИИ?

А.Н. Ильин, канд. филос. наук, доц. кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета, ул. Партизанская, 4а, ауд. 117, г. Омск, Российская Федерация, 644043*

На Западе идет тотальная подмена понятий, выраженная в идее толерантности, согласно которой гуманизм проявляет себя в уважении к любой системе ценностей. Критерии добра и зла нейтрализуются, расширяется поле дозволенного. Ценности и жизненные практики, которые в культуре традиционно считались неприемлемыми и маргинальными, получают статус нормальных и даже необходимых. Когда не определены границы толерантности, сама эта идея обретает дегуманизирующий характер. Но дегуманизирующий смысл происходящих культурных трансформаций скрывается за эмоционально привлекательными наименованиями типа прав человека и демократии. Социально вредной идеологии и абсолютизируемым ею жизненным практикам придается множество эмоционально благозвучных названий, которые являются симулякрами, скрывающими истинную суть означаемых явлений. Защита прав меньшинств под флагом демократии и прав человека обычно представляет собой наступление на права большинства, и права человека необоснованно отождествляют с правами меньшинства. Абсолютизация прав социальных меньшинств (к тому же наиболее радикальных по отношению к традиционной культуре) — это одновременно ущемление прав большинства. Идея толерантности насаждается антидемократично, без учета мнения общественности. На Западе требуется одновременно проявление толерантности как к разным практикам и точкам зрения, так и к самому факту насаждения этой толерантной линии. Иными словами, прививается обязательная толерантность к толерантности. В соответствии с распространенной идеей о постмодернистской релятивизации ценностей больному, злему и неразумному даются аналогичные права на существование, как здоровому, доброму и разумному. При этом происходит не уравнивание достойного и недостойного, а “социокультурный перегиб” в сторону недостойного. Критика гомосексуализма подается как заслуживающая осуждения интолерантная гомофобия, а отрицательно относящиеся к гей-пропаганде родители рискуют стать клиентами для ювенальных служб. Даже школы стали переориентироваться под апологию сексуальной перверсивности, что является разворотом к деинтеллектуализации и дегуманизации сознания

* Ильин Алексей Николаевич, e-mail: ilin1983@yandex.ru, сайт автора: <http://ilinalexey.ru/>

детей. Тенденции, которые именуются способами защиты прав человека, свободы и демократии, в реальности приводят к социальной дегуманизации.

Ключевые слова: толерантность, Запад, гомосексуальность, демократия, гуманизм, дегуманизация, ювенальная юстиция.

WESTERN TOLERANCE: THE RULE OF DEMOCRACY OR THE OFFENSIVE OF DEHUMANIZATION?

Il'in Aleksey N., PhD in Philosophy, Assoc. Department of Practical Psychology, Omsk State Pedagogical University, Partizanskaja str., 4a, aud. 117, Omsk, Russian Federation, 644043, e-mail: ilin1983@yandex.ru

In the West, there is a total substitution of concepts, expressed in the idea of tolerance, according to which humanism manifests itself in respect for any system of values. The criteria for good and evil are neutralized, and the field of what is permitted is expanded. Values and life practices that were traditionally considered unacceptable and marginal in the culture receive the status of normal and even necessary. When the boundaries of tolerance are not defined, the idea itself becomes dehumanizing. But the dehumanizing meaning of the ongoing cultural transformations is hidden behind emotionally attractive names like human rights and democracy. Socially harmful ideology and the life practices it absolutizes are given a lot of emotionally euphonious names, which are simulacra that hide the true essence of the phenomena being signified. The protection of minority rights under the banner of democracy and human rights is usually an attack on the rights of the majority, and human rights are wrongly identified with the rights of the minority. The absolutization of the rights of social minorities (and the most radical ones in relation to traditional culture) is at the same time an infringement of the rights of the majority. The social majority becomes oppressed. The idea of tolerance implanted anti-democratic, without taking into account the views of the public. In the West, it is necessary to show tolerance both to different practices and points of view, and to the very fact of planting this tolerant line. That is, a mandatory tolerance for tolerance is instilled. The common idea of postmodern relativization of values is not entirely correct. The sick, the evil, and the unreasonable are given more right to exist than the healthy, the good, and the reasonable. But instead of equating the worthy and the unworthy, a "sociocultural inflection" is carried out towards the unworthy. Criticism of homosexuality is presented as reprehensible intolerant homophobia, and parents who are negative about gay propaganda risk becoming clients for juvenile services. Even schools began to reorient themselves under the apologia of sexual perversion, which is a reversal to the de-intellectualization and dehumanization of children's minds. Trends that are referred to as ways to protect human rights, freedom, and democracy actually lead to social dehumanization.

Key words: tolerance, the West, homosexuality, democracy, humanism, dehumanization, juvenile justice.

Современный западный мир претерпевает идеологическое наступление дискурса толерантности. Предполагается (и даже навязывается) уважение к любому человеку, любой системе ценностей и жизненных практик.

Так, террористов типа А. Брейвика помещают во вполне терпимые условия, которые тюремными назвать сложно. Поднимается тренд психоаналитического копания в их душе и объяснения (а по сути оправдания) их поступков апелляцией к отношениям с родителями, к детским травмам, к трудным жизненным обстоятельствам и т.д. Из них делают знаменитостей благодаря широкому освещению их деяний в СМИ. Про них говорят, что они тоже люди, просто когда-то оступились, и им надо помочь. Создается сентиментальный нарратив о страданиях и душевных муках преступников, об их человеческих качествах, которые не имеют отношения к их античеловеческим деяниям, и эти качества представляются в большей степени заслуживающими внимания, чем совершенные преступления.

Современной Европе свойственно отстаивать не просто свободу самовыражения абстрактного человека, но также жестокого преступника и морально ограниченного индивида (называемого политкорректными наименованиями), свобода которого оказывает деструктивное влияние на общество и становится фактором ограничения свободы (и отнимания жизни) других — законопослушных — людей. Такой абстрактный гуманизм является антитезой истинного гуманизма. *Когда не определены границы терпимости (которые необходимы), сама идея толерантности обретает античеловеческий облик.*

В Германии в 2017 г. пакистанский беженец, изнасиловавший 6-летнюю девочку, получил 20 месяцев условно. Это называется верховенством гуманизма и демократии. Гуманизм к преступнику оборачивается совершенно бесчеловечным, антигуманным отношением к его жертве. Банально говорить, что гуманизм требуется применительно к тому, кто его заслуживает, т.е. к жертве, и реализуется в наказании преступника, и никак иначе. Если же происходит наоборот, если преступника не постигает наказание, его преступление имеет шанс превратиться в социальную норму.

В Швеции полицейский опубликовал статистику, согласно которой большинство преступлений совершаются выходцами из Ближнего Востока, и в отношении него сразу посыпались обвинения в расизме. Но если данные отражают реальные факты, где тут расизм?

Как пишет С. Жижек, «я предпочту жить в обществе, где изнасилование попросту считается неприемлемым, а любой, кто выступает в защиту изнасилований, показывает себя эксцентричным идиотом, чем в обществе, где об этом приходится спорить. То же самое касается пыток: тот факт, что пытки “догматически” отвер-

гаются как нечто отвратительное, без необходимости какой бы то ни было аргументации, является знаком этического прогресса»¹. Нравственно оправданным было бы согласиться с этими словами, несмотря на моральный релятивизм современного мира, на постоянные подвижки моральных границ. Эти слова являются актуальными именно вследствие осуществления данных подвижек, ибо без них, когда некое явление однозначно считается неприемлемым, не было бы смысла произносить эту тираду. В приведенную фразу Жижека на место изнасилований и пыток актуально внести такие реанимируемые в современном “цивилизованном” мире явления, как педофилия, эвтаназия, “права ребенка”, каннибализм и т.д. *В некоторых вопросах “догматичное” отстаивание своей позиции в противовес либеральной релятивизации (нет, не демократизации, а именно релятивизации, доходящей до этического абсурда) — лучшее средство сохранения человечности!*

Свобода выбора не является абсолютной и конечной ценностью, если она не видит юридических и нравственных границ, если она оправдывает то, что во всех культурах принято считать злом. Но это зло называют всего лишь ошибкой или даже творческим самовыражением. Свобода выбора становится социальным злом, если она снимает с человека ответственность за свои действия, а также за общество, политическую систему, экологическую ситуацию, если она стимулирует тотальный потребительский индивидуализм и безответственность. Свобода выбора инвертируется, когда она ставится в противодействие социально необходимым нормам морали, противопоставляет себя любви к Отечеству, абсолютизирует индивидуальные интересы за счет общественных интересов.

Западная идеологизация прав человека расширяет это понятие так, что там, где в конфликт входит человеческая нравственность и права человека, последние побеждают и оттесняют нравственность в сторону, заставляют ее лишаться своих позиций, ограничивать свое пространство. Конечно, термин “нравственность” недостаточно конкретен, и в каждом обществе нравственность своя. Но, во-первых, для всех культур характерен свод универсалий, надкультурных ограничений, которые являются общим для культур и даже выступают объединяющим фактором для различных культурных матриц. Во-вторых, нравственность (в самом широком смысле) предполагает охранение этих универсалий, выступая системой идеологических доминант, которые требуют не просто отказываться от причинения

¹ Жижек С. Киногид извращенца: кино, философия, идеология. Сб. эссе / Предисл. А. Павлова. Екатеринбург, 2014. С. 430.

вреда другому человеку, а поступать так, чтобы происходило развитие общества в плане достижения социальной справедливости, сохранения и укрепления семьи, добрых отношений между людьми в самых разных контекстах их взаимодействия, патриотизма, и утверждения других необходимых для социальной жизни ценностей. Нормы и идеологемы, которые сегодня насаждаются в западном мире, отводят людей от так понимаемой нравственности.

В США сообщения о преступлениях белых против негров, гетеросексуалистов против гомосексуалистов, мужчин против женщин занимают массу эфирного времени и получают широкий резонанс. Как только об очередном таком деянии говорят СМИ, прокатывается волна протеста против преступника, сопровождаемая истеричными криками “Расизм!”, “Сексизм!”, “Гомофобия!”. Однако преступления так называемых меньшинств в отношении белых, мужчин и гетеросексуалистов широкого освещения не получают, а потому шквала бурных эмоций и порицаний преступников нет. Кого же следует считать дискриминированной группой?

Если некто, вспомнив численное преимущество негров среди игроков в бейсбол, говорит о возможной генетической предрасположенности черных к спорту, толерантные либералы одобрительно кивают головами. Но если некто, вспомнив численное преимущество белых среди студентов университетов и ученых, заговорит о возможной генетической непередрасположенности черных к интеллектуальным видам деятельности, толерантные либералы разразятся обвинениями в расизме. Четкого критерия, отделяющего расистское высказывание от любого другого, нет. В отсутствии “критериального дефицита” можно квалифицировать в качестве расизма битье белого человека по черной груше или право на первый ход белых фигур в шахматах. «“Фашист” — это идеологический ярлык, которым определяют тех, с кем не поспоришь, но кого нужно удалить из дискурса. Точно так же обстоит дело с ярлыками “антисемит” и “расист”: критикуешь Израиль или хотя бы пишешь о международном еврейском капитале — ты антисемит; говоришь о том, что белая раса — единственная, чья численность сокращается (а это абсолютная правда), — ты расист»².

П. Бьюкенен описывает разные случаи преступлений черных против белых, геев против натуралов. Он приводит статистику, согласно которой черные совершают намного больше преступлений, в том числе межрасового характера, чем белые. Но в СМИ это не освещается, так как не вписывается в “толерантную” и “политкор-

² Фурсов А. Тайная история // Завтра. URL: <http://zavtra.ru/blogs/tajnaya-istoriya> (дата обращения: 04.11.2019).

ректную” парадигму. Зато преступления белых против черных и натуралов против геев обязательно муссируются прессой, создавая картину черных и геев как жертв³. Презумпция невиновности сменилась презумпцией виновности. Тот, кто вполне обоснованно критикует гей-пропаганду, обвиняется в гомофобии, и не обвинитель доказывает его виновность, а он сам должен доказывать свою невиновность. За риторикой толерантности скрываются человеконенавистничество и интолерантность. Но тот, кто смеет вербально констатировать истинное положение вещей (и идей), рискует навлечь на себя ярлык антигуманиста.

Защищая права социальных меньшинств под флагом демократии и прав человека, обычно забывают про права большинства, и права человека необоснованно отождествляют с правами меньшинства. Получается, человек — это представитель меньшинств. Абсолютизация прав меньшинств — это одновременно ущемление или даже отрицание прав большинства. Когда декларируются права меньшинств, автоматически низводятся до уровня неважности права большинства, что представляет собой крайне антидемократическую тенденцию. Идея толерантности вместо создания равенства прав и возможностей отняла часть прав у большинства и отдала их меньшинству, которое стало более привилегированным, что противоречит самой идее толерантности. Притесняемым становится социальное большинство.

Чтобы уважительно относиться к преступникам и прочим далеко не лучшим представителям рода человеческого, чтобы проявлять “неразборчивое уважение”, необходимо изжить в себе гуманизм. Глядя на западную толерантность, создается впечатление, что *стать толерантным — значит утратить критерий отделения добра и зла, способность отделять пошлость, подлость, низость и ложь от Истины, Добра и Красоты*. Стремление к доброму, разумному, вечному объявляется неуместным культурным тоталитаризмом — неполиткорректным, архаичным и неплюралистичным. *Похоже, настоящее зло — это не зло как таковое, а именно стирание различий между добром и злом*.

При функционирующей способности отличить правду от лжи, красоту от безобразия, реальность от симулякров человек является этически, интеллектуально и эстетически состоятельной личностью. Умение делать различие позволяет рефлексировать, пользу или вред наши (без)действия несут как “ближнему”, так и “дальнему” — соседу, другу, родственнику, согражданам, родной стране, миру в целом.

³ Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М., 2003. С. 4.

Умение отличать добро от зла позволяет отказаться от атомизированного индивидуалистичного бытия, перевести свое мышление в (отвергаемый постмодернизмом) регистр “больших нарративов” и задумываться о том, что собой являет моя деятельность для национальной культуры, родины, всего человечества. Способность отделять достойное от недостойного дает возможность осуществлять социально полезный труд, воспитывать детей, дружить и любить, уважать свое Отечество, помогать ближним, жить полноценной жизнью, наконец, быть настоящим гражданином — тем, чья деятельность носит общественно необходимый смысл. Гражданственность характеризует людей, которым присущи творческая культуuroобразующая активность, воспитанность, свободомыслие, честность, чувство ответственности за общество, смелость в высказывании собственного мнения, преданность гуманистическим и демократическим идеалам, следование долгу, поиск социальной правды, чувство справедливости, наконец, “безумство храбрых”. Складывается устойчивое впечатление, что навязываемый сверху дискурс толерантности подрывает гражданственность.

Когда требуется проявлять сочувствие к преступнику, а не к жертве, провозглашается совершенно нелегитимная толерантность к нетолерантным, происходит не столько расширение интервала нормальности, сколько ее смещение в сторону. Видимо, толерантность в нынешнем виде — *добродетель тех, у кого отсутствует четкое мировоззрение и устойчивые нравственные ориентиры. Это добродетель тех, у кого отсутствует добродетель*. Проповедь терпимости оборачивается нормализацией того, что ранее считалось антинормальным, и наделением антинормальности статусом нормы и даже социальной необходимости. Приучая быть толерантными к любым перверсиям, у общества вызывают симпатию к мерзости. Принцип “пусть цветут любые цветы” сводится к принципу “пусть все некогда неприемлемое гордо заявляет о себе и дает плоды, вытесняя действительные цветы”. Любые нравственные ценности лоббистами толерантности постмодернистским образом представляются относительными. Толерантность предполагается в качестве высшей ценности.

Защита прав человека и его достоинства не должна доходить до такого уровня, когда она подрывает нравственные устои общества, приводит к отказу от общечеловеческих моральных универсалий (которые позволяют обществам сохранять себя) и диалектически перетекает в наступление на права человека. Обеспечение прав личности не должно переступать границу, когда оно превращается в угрозу существованию общества. Однако риторика о толерант-

ности лишь апеллирует к правам человека, а в реальности имеет к ним мало отношения. Социальное зло рядится в одежды добра и утверждает, что существует во имя всего ценного и необходимого.

“Пределная толерантность может быть проявлена в отношении жизни человека, но не в отношении любого образа его жизни, суверенитета государства, но не его способности во зло другим использовать свой суверенитет. В научном познании она ограничена направленностью на поиск истины, а не на признание любого высказывания”⁴. При встрече с морально неприемлемым толерантность должна ограничиваться. Толерантного отношения заслуживает лишь тот, кто не причиняет вреда человеку, обществу и нравственным нормам. *Толерантного отношения не заслуживает насаждаемая на Западе “толерантность без ограничений”, лишенная границ и служащая инструментом социальной деморализации.* Она пересматривает стандарты нравственности и подрывает здравый смысл, указывающий на очевидную нелепость и вредоносность такой толерантности. Естественно, толерантность не может проявляться в полной мере.

Конечный вариант толерантности — борьба со всеми националистами, сексистами, гомофобами, шовинистами, расистами, фундаменталистами, противниками самой идеи толерантности и прочими ненавидящими кого-либо; наконец, это борьба со ВСЕМИ, а вместе с ними и с интолерантностью. Здесь мы видим принципиальный парадокс необоснованно расширенного проявления толерантности. Полная толерантность означает абсолютное согласие и бесконфликтность, которые невозможны между представителями даже единой идеологической ориентации, не говоря уже о приверженцах различных идеологических систем. Можно быть терпимым к чужому мнению и не согласным одновременно, но данное несогласие не должно при этом носить противоправный, преступный или просто оскорбляющий характер. Ему следует быть корректным, проявляющим себя в открытых дискуссиях. Оправданная терпимость — это не положительное отношение ко всему, а умение конструктивно и цивилизованно разрешать споры и конфликтные ситуации, оставаясь при своем мнении. Но западные лидеры, похоже, думают иначе.

Толерантность внедряется в западную культуру насильственно, без учета мнения европейской общественности. *Требуется одновременно проявление толерантности как к разным практикам и точ-*

⁴ Федотова В.Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 51.

кам зрения, так и к самому факту насаждения этой толерантной линии. Иными словами, прививается обязательная толерантность к толерантности. Нетерпение общества к той системе инноваций, которые насаждаются сверху, квалифицируется как порочная интолерантность. Политический класс не желает прислушиваться к общественным протестам в отношении спускаемой политиками идеологии. Однако игнорирование социальных настроений также противоречит идее толерантности и демократичности.

Особо важный пример — неприятие широкими массами ювенальной юстиции, которую власти успешно продавливают, а их риторика представляет собой массивное наступление на тех, кто протестует. Противников ювенальных нововведений называют не борцами против предполагаемых ювенальной юстицией детской вседозволенности, культа прав детей при забывании об их обязанностях, противопоставления прав детей и их родителей, запрета на осуществление родителями нормального воспитательного процесса. Напротив, противников ювенальной юстиции именуют нетолерантными к правам детей защитниками родителей-садистов, что представляет собой манипулятивную подмену понятий.

Ряду явлений, которые оказывают деструктивное воздействие на личность и общество, дается эмоционально положительное наименование. Разрушающее институт нормальной здоровой семьи ювенальная юстиция именуется защитой прав ребенка. Под видом гуманизма, демократии и толерантности насаждаются культ секса, наркотиков, вседозволенности, потребительства и прочего китча. Вспоминается оруэлловский новояз, где мир — это война, свобода — рабство, незнание — сила.

В целом мировая история пестрит массой примеров, когда элемент реальности именовали противоположным его истинной сути образом. Власти современной Украины называют террористические действия в отношении народа Донбасса антитеррористической операцией. Американский истеблишмент и подвластная ему мировая пресса квалифицирует вероломные захватнические военные операции США гуманитарными интервенциями. Условия, когда происходит наступление на права трудящихся, на гарантии занятости, на защищающую от безработицы трудовую стабильность, неолиберальная риторика называет красивым наименованием “гибкий рынок труда”. Транснациональная корпоратократия, наступающая на государственные суверенитеты и осуществляющая ограбление целых стран и народов, именуется международным сообществом. Термин “глобальная стабильность” означает глобальное эксплуатирование международным капиталом целых стран и народов.

Нередко диктаторы называли свой режим демократическим. Пришедшие к власти в России после развала СССР неоллибералы (за которыми стояли чикагские советники) называли олигархическое разграбление народной собственности рынком и придавали этому слову респектабельный вид, а тотальную манипуляцию народным сознанием подменяли терминами “свобода слова” и “демократия”. Также и риторика о толерантности — это совокупность превращенных форм, формирующих видимость несуществующего в реальности смысла. Социально вредной идеологии и абсолютизируемым ею жизненным практикам придаются эмоционально благозвучные названия, которые являются симулякрами, скрывающими истинную суть означаемых явлений. Так слова и порождаемые ими образы все более расходятся с обозначаемыми ими вещами. Сам факт обозначения теряется, оно становится не просто ускользающим, а совершенно лживым. Скрываемый за подменой понятия миф искажает сущность предлагаемого проекта, наделяет его положительными и социально необходимыми смыслами, а потому трансформирует восприятие происходящих тенденций и влияет на выбор будущего для общества. Ведь когда происходит социальная легитимация проекта, общество его принимает и тем самым обрекает себя на последствия, к которым реализация данного проекта приводит: «...политическое пространство оказывается “замифологизированным” настолько, что объективно разобраться в том, что на самом деле представляет собой реализация того или иного политического проекта и объективно оценить его, становится очень не просто. Различить, где заканчивается пространство реальности, а где начинается пространство мифа не под силу порой не только обывателю, профессиональные политики и даже ученые сталкиваются здесь с трудностями»⁵.

Под благовидными наименованиями больному и неразумному дается не меньше права на существование, чем здоровому и разумному. Причем речь стоит вести не про уравнивание достойного и недостойного, а про осуществление “социокультурного перегиба” в сторону недостойного. К примеру, наметилась тенденция даже не уравнивания однополых браков и нормальных семей, а выставления первого в качестве прогрессивного явления по сравнению со вторым.

Толерантность — лукавое изобретение постмодернизма, находящее себя в стирании грани между хорошим и дурным, пропаганде мира без нравственных ориентиров, постулировании фантомов

⁵ Веретевская А.В. Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) // Вопросы философии. 2018. № 5. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1950&Itemid=52#_ednref11 (дата обращения: 08.12.2019).

относительных смыслов, представлении культурной низости в качестве блага. При навязывании толерантности создается риск привития этического релятивизма, переходящего в этический нигилизм, что крайне опасно для общественной культуры. Толерантное отношение к скверне — проявление низкой культуры и нравственной инверсии. В согласии с новой — толерантной — терминологией, отличающегося делинквентным поведением подростка следует политкорректно называть представителем иной субкультуры, которая наравне со всеми остальными заслуживает уважения и обладает равными правами с другими культурными явлениями. Можно и к сектантству относиться терпимо, прикрываясь идеей толерантности, которая вполне соответствует пресловутому принципу “разрешено все, что не запрещено законом, и не разрешено критиковать то, что не запрещено законом”. Осуждение сектантства граничит с законодательно предусмотренным обвинением в оскорблении религиозных чувств. Осуждение властного произвола граничит с законодательно предусмотренным обвинением в экстремизме или оскорблении чести и достоинства представителей социальной группы “чиновники”.

В “цивилизованном” мире под знаменем толерантности лоббируются права не просто меньшинств, а тех, кто слишком радикален, и тех, кто у большинства обычно вызывает отторжение. Это — антидемократичная и антисоциальная защита меньшинств от большинства. Ведь общество представлено прежде всего большинством, а не меньшинством. Оправданна защита тех меньшинств, которые своим образом жизни, интересами и традициями не представляют опасности для общества и его духовных основ. Однако в первую очередь легитимируются те, кто себя противопоставляет большинству: радикальные феминистки, проповедующие воинственность мигранты, сторонники сексуальных перверсий. Малообеспеченные люди и инвалиды в этот список не входят.

Один из примеров легализации сексуальной перверсивности на самом высшем уровне — победа на Евровидении в 2014 г. Кончиты Вурст. Кажется, главным критерием на этом конкурсе выступают не вокальные данные, а эпатаж, бьющий по лицу нормальной культуры, а само мероприятие является глубоко политизированным. Вполне ожидаемо, если вскоре в Европе такие Кончиты начнут вести детские передачи, что, в свою очередь, будет рассматриваться как проявление современности и демократичности. Тут мы замечаем тенденцию размывания норм идентичности личности, выраженную в феномене “непонятно кто”. В некоторых фильмах ужасов стоящее за спиной персонажа агрессивно-монструозное существо не поддается

четкой идентификации — это не зомби, не вампир, не маньяк, не призрак, но нечто, включающее в себя ряд характерных признаков этих существ. Поэтому его следует назвать “непонятно кто”. Также и в культурной жизни Европы легитимируется “непонятно кто” в виде как бы мужчины с признаками женщины.

Применительно к тому, что власти Нью-Йорка объявили о праве выбора каждым своей гендерной принадлежности (и, значит, права на проведение операции по смене пола), С. Жижек пишет: «Главное различие, “трансцендентальное” различие, которое лежит в основе самой человеческой идентичности, таким образом превращается в нечто открытое для манипуляций: вместо этого утверждается фундаментальная пластичность человека»⁶. Действительно, современная цивилизация, вооружившись риторикой о демократии, размывает человека, ликвидирует даже минимальные остатки эссенциализма. Она подменяет устойчивую идентичность выбором, сущность — изменчивостью.

Понятно, что нельзя рассматривать человека только лишь с позиций эссенциализма. Аргументы типа “Твое призвание такое-то!”, “Миссия твоей жизни заключается в ...” неприемлемы в своей тоталитарности. Если в биологическом смысле мы можем постулировать определенную сущность, то применительно к другим смыслам — социальный, культурный — этот вопрос становится дискуссионным. Но также едва ли допустимо вовлекаться в другую крайность и постулировать радикальную гибкость всего и вся, тем самым не придавая ее человеку, а подменяя человека гибкостью, беспредельной пластичностью.

Совершается тотальная идеологическая перверсия, когда зло называется другой формой добра. Запад встал на путь не просто легитимации, а пропаганды различных извращений. Дети не могут отстраниться от этого воздействия, а родители не имеют возможности оградить их от “просвещения”. Так, в Германии внедрена обязательная, а потому по сути насильственная, программа сексуального воспитания, которая должна раскрепостить детское сознание, сделать его свободным в этой деликатной сфере. Дети в обязательном порядке получают сведения о разных формах половых девиаций. Отказ родителя привести своего ребенка на подобные занятия влечет репрессивные последствия: сначала — штраф, затем — тюремный срок⁷.

⁶ Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 21–22.

⁷ См.: Михайлов Р. Новые тенденции в идеологии русофобии // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3 (42). С. 98–107.

Легитимируются гомосексуализм, транссексуальность, постулируется возможность выбора не мужского и женского, а “какого-то еще” пола. Таким образом, полов оказывается больше двух. Происходит размывание любых коллективных форм идентичности — этнической, национальной, культурной. В условиях пропаганды освобождения от всего, в том числе от пола, аналогичная судьба ожидает и половую идентичность. По мысли А. Дугина, в глобальном обществе должны будут исчезнуть как этносы, конфессии, народы и государства, так мужчины и женщины в привычном понимании этих слов⁸.

В США для “истинно верующих женщин” начали выпускать резиновые имитаторы мужских половых органов в виде распятия. Некоторые секуляризированные протестантские конфессии перестали мужеложство считать грехом. В Англии и в некоторых американских штатах гомосексуалистов стали венчать в церкви. В 18 штатах священники-педофилы “пытаются найти выход из кризисной ситуации”. В Миннеаполисе получил пост епископа человек, открыто заявивший о своей гомосексуальности. В дни Великого поста англо-голландская компания “Юнилевер” выпустила в продажу семь новых сортов мороженого “Магнум”, каждый из которых носил название одного из семи смертных грехов: гордыня, зависть, чревоугодие, блуд, месть, алчность и лень, упаковки украшены рожками и хвостом. Австралийский рекламный ролик “греховных” сладостей получил одну из главных наград Международного фестиваля рекламы в Каннах⁹. В Англии епископ Кентерберийский поддерживает легализацию однополых браков среди священников, уже 1,5 тыс. англиканских “священников” живут в однополых браках¹⁰. Как отмечает словенский философ (утверждающий крайне эпатажный и потому дискуссионный тезис, что педофилия изначально вписана в католическую церковь), о случаях педофилии среди священников никогда не сообщалось полиции, виновный священник никогда не наказывался строгее перевода в другую часть страны; на родителей пострадавших детей оказывалось давление, чтобы замалчивали происхождение¹¹.

⁸ Дугин А.Г. Социология глобального общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 133–143.

⁹ Запесоцкий Ю.А. Современная реклама как институт социально-культурной динамики // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 33–38.

¹⁰ Самсонов А. Системный кризис капитализма, деградация человечества. А что ждет Россию? Ч. 2 // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/38095-sistemnyy-krizis-kapitalizma-degradaciya-chelovechestva-a-chto-zhdet-rossiyu-chast-2.html> (дата обращения: 06.12.2019).

¹¹ Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки. М., 2014.

В Голландии в 1995 г. священник обвинял двух лесбиянок и призвал прихожан отказаться от предрассудков во имя свободы. Англиканская церковь благословенно восприняла новое издание Библии, в которой совмещаются религиозные тексты с советами в области сексуальных отношений. Часть религиозных преданий была специально переписана или убрана. Вычистили все, что может вызвать раздражение какой-либо социальной группы. Например, выбросили указание, что Христа распяли Иудеи (чтобы не раздражать финансовых магнатов), вместо “отче наш” ввели понятие “Бог-отец-мать” (чтобы не раздражать феминисток)¹². И таких, мягко говоря, курьезных случаев в Европе очень много. Русофобы-десоветизаторы обвиняют руководство СССР в искоренении религии, но последнее не совершало такое насилие над чувствами верующих.

Летом 2017 г. по миру разнеслось несколько новостей, характеризующих дальнейшую “демократизацию” на Западе. Так, в Великобритании была с широким оповещением в прессе отпразднована свадьба двух мужчин, да еще и мусульман. Разве настоящий мусульманин может быть гомосексуалистом? Видимо, в кривом зазеркалье, где дегуманизацию принято именовать толерантностью и демократией, все возможно.

Одну из лондонских школ для девочек грозили закрыть за отказ преподавать детям от трех до восьми лет основы гомосексуальности и гендерных предпочтений. Конечно, можно закрыть учебное заведение за то, что его деятельность не соответствует государственным образовательным стандартам. Но это “особые” стандарты, когда в них вносятся такие дисциплины. “Наука” под названием “основы гомосексуальности и гендерных предпочтений” не может стоять рядом с физикой, химией, историей, математикой и другими дисциплинами. Однако свод сугубо идеологических фантазий достигает статуса школьной дисциплины — и не просто рядовой, а привилегированной. Проникновение такой формы идеологизаторства в учебное пространство — способ как деинтеллектуализации, так и дегуманизации неокрепшего детского сознания. Западный мир становится настолько свободным, что в нем возможно все — естественно, под “всем” мы понимаем то, что служит делу расшатывания социальных устоев и ликвидации той нравственности, которая своим существованием давно доказала возможность сохранять общество более или менее здоровым. Но и само понятие здоровья отныне трансформировалось, претерпело существенную деконструкцию. И это является отдельной, очень важной, социокультурной проблемой.

¹² Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от начала до Великой Победы. М., 2001.

В Онтарио был принят закон, который позволяет передавать в детские дома детей из семей, в которых принято критично относиться к гомосексуализму и отказываться оплачивать операции детям по смене пола. Здесь мы наблюдаем новый, обогащенный, изощренный вариант функционирования ювенальной юстиции. Необязательно быть похожим на человека, который недостаточно хорошо воспитывает и обеспечивает детей, а также оказывает на их психику огромное давление, заставляя делать домашнее задание. Нужно быть критиком разврата, который называется свободой. Вероятно, обязанности родителей по образовательному содействию для своих детей вскоре будут выглядеть так: позволять ребенку вообще не учиться, если он не хочет грызть гранит науки, но требовать от него вполне подразумеваемого образовательным стандартом знания основ гомосексуальности и гендерных предпочтений. В ином случае зоркое око ювенальной юстиции узреет в действиях родителей недостаточно хорошее воспитательное влияние на своих детей. Ведь под воспитанием подразумевается содействие вседозволенности среди детей, попустительскому отношению к их учебной успеваемости (кроме “гомо-дисциплин”) и всякому способствованию их дальнейшему нравственному и когнитивному разложению.

Похоже, в недалеком будущем одно только признание мужчины в том, что он женат на женщине, будет вызывать обвинение в гомофобии, архаичности мышления и образа жизни. Идеологическая позиция, выраженная в защите семейных ценностей, станет препятствием для карьеры или жизни. Для такого прогноза не требуется слишком богатое воображение и конспирологичный взгляд на мир; достаточно всего лишь ухватить общие тенденции, происходящие на Западе.

Э. Гидденс пишет: «Радикальное значение плюрализма извлекается не из его шокирующих эффектов — вряд ли что-либо еще уже может шокировать нас, — а из эффекта осознания того, что “нормальная сексуальность” — это просто один из типов жизненного стиля, который можно выбрать среди других»¹³. Сегодня понятия “перверсия” и “нормальная сексуальность” теряют смысл, поскольку пределы нормальности ширятся, охватывая собой почти все. Все вписывается в норму. И, конечно, теперь уже трудно кого-либо чем-либо шокировать, поскольку почти все, что ранее запрещалось, уже было показано, выражено, подвергнуто не просто легализующему обсуждению, но даже превознесению как проявления “модности” и “современности”.

¹³ Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004. С. 208.

Толерантность только внешне схожа с демократизацией, а на поверку способна сковывать сильнее любого авторитаризма. Терпимость ко всему возможному и существующему разнообразию (к тому же “обогащенная” восхвалением именно скверны) не укрепляет гуманизм, а угрожает ему, поскольку она неспособна бороться ни с какими формами несправедливости, в том числе и с заблуждениями. Более того, она не просто расписывается в неспособности борьбы за здоровое общество. Она сама — антисоциальный и антикультурный молот, который позволяет распространяться перверсивности. Наконец, *крайне нетолерантно навязывать толерантность*.

Возникает вопрос: кому и для чего нужна происходящая дегуманизация? Наиболее влиятельные силы, которые пытаются оседлать глобализационные процессы — западные (прежде всего американские) политики, сращенные с транснациональной корпоратократией, — ставят перед собой многие задачи, деструктивные с точки зрения человечества в самом широком смысле этого слова. Они стремятся уничтожить экономический, интеллектуальный и военный потенциал различных стран и политико-экономических акторов, в которых они видят своих конкурентов. Действительно, мы наблюдаем, как транснационалы-глобалисты совершают государственные перевороты, после которых вместо демократии и процветания в поверженных странах происходит обнищание народа. Они направляют НАТО бомбить неудобные страны в обход всякого международного права. Они вовлекают целые народы в экономические ловушки с помощью МВФ и Всемирного банка, требуют проводить неолиберальные реформы, после которых экономика превращается в руины. Они несут в мир проект болонской системы в сфере образования, что можно рассматривать как средство качественного снижения интеллектуального потенциала народов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Они же пытаются насаждать глобализированную массовую потребительскую культуру и так называемые европейские ценности (подрывающие жизнеспособность обществ) в разных регионах мира. Вместо социальных государств глобальным силам необходимы социально безответственные, утратившие государственный суверенитет структуры, управляемые тем же транснациональным капиталом. Отсюда и многочисленные призывы мировых элит и их интеллектуальной obsługi к демонтажу госсuverенитетов, что якобы необходимо в условиях глобализации.

Наконец, вместо сильных гражданских обществ глобальным силам нужны слабые, атомизированные, страдающие от депопуляции псевдообщества, не способные к борьбе против транснационального

капитала. Именно сплав ценностей, которые сегодня под флагом толерантности навязываются западному миру, является эффективным идеологическим стандартом для дегуманизации, депопуляции, социальной атомизации.

Под риторикой толерантности и мультикультурализма идет навязывание ценностей и норм, которые отвергаются множеством культур. Большое количество культур загоняют в некое гетто, лишая их возможности к участию в мировых процессах и даже подвергая их остракизму и заярлычиванию как нетолерантных, архаичных, вредных и антигуманных. Нередко эти фразы сопрягаются с идеями, согласно которым именно западная цивилизация является наиболее передовой в культурном, политическом и иных отношениях — вспомним хотя бы западноцентричные концепции С. Хантингтона, Ф. Фукуямы и многих других теоретиков.

Лицемерно вещая о толерантности и демократии, Европа активно поддерживала захватническую войну США против Ливии, одобряла череду якобы народных, но крайне деструктивных цветных революций в различных странах, внесла свой вклад в организацию переворота на Украине и предпочла не обращать внимания на зверства пришедших к власти нацистов. Под риторику о толерантности и демократии Европа закрывала глаза на агрессивные военные и экономические действия США в отношении других стран. Толерантность по-европейски — это толерантность к внешней политике Штатов, какой бы циничной, наглой и вероломной она ни была. Это вполне ожидаемо, поскольку навязывание толерантности в западном мире исходит от инициатив транснационального капитала, сращенного с политиками западных стран (в первую очередь США).

Лицемерие толерантности связано с тщательным закрытием глаз на поистине ужасные проблемы людей “третьего мира”, ответственность за которые нередко несет Запад с его агрессивной внешней политикой и расставлением экономических ловушек (например, кредитное закабаление) по отношению к самым разным странам. Так, “в марте 2005 года внимание всей Америки было приковано к делу Терри Шиаво: в 1990 году ее мозг был поврежден, когда сердце женщины ненадолго остановилось из-за химического дисбаланса, вызванного, по всей видимости, расстройством питания; назначенные судом врачи утверждали, что она находится в хроническом вегетативном состоянии без надежды на выздоровление. Хотя ее муж хотел, чтобы ее отключили от аппарата искусственного питания и она могла спокойно умереть, ее родители утверждали, что она может поправиться и что она никогда бы не захотела, чтобы ее лишили

пищи и воды. Это дело добралось до высших эшелонов исполнительной и судебной власти Соединенных Штатов с участием Верховного суда и президента, принятием резолюций конгрессом и т.д. Абсурдность ситуации, при рассмотрении ее в более широком контексте, просто поражает: в то время как в мире десятки миллионов людей умирают от СПИДа и голода, американское общественное мнение сфокусировалось на одном-единственном случае продления ГОЛОЙ ЖИЗНИ, хронического вегетативного состояния, лишенного всех человеческих черт¹⁴. “Это наш гуманизм, — осталось продекларировать общественному мнению Запада, — периодически высказывать сердобольность на самом высоком уровне по отношению к одному-единственному человеку, забывая о трагизме, в который вовлечены многочисленные недостойные нашего внимания другие”.

Когда западная пропаганда вещает о свободе и правах человека, она предполагает, что эти понятия не распространяются на тех, кто лишен права войти в золотой миллиард. Европейцы оплакивают французских и британских жертв терактов, но поле солидарности не охватывает русских или погибающих под огнем украинского оружия мирных жителей Донбасса — детей, женщин, стариков. Толерантность не распространяется в отношении народов, которые до сих пор живут под гнетом западного неоколониализма. Толерантность в западном мире имеет границы, но не те, которые ей надлежит иметь. В моральном смысле она безгранична (и потому наступает на здоровую мораль, предлагая нездоровые альтернативы), однако в смысле культурного и географического ареала она ограничена “своими”. Другие для нее не заслуживают уважительного отношения. В этом смысле она представляет собой новый, отредактированный, вид расизма, который и ранее был характерен для западной цивилизации, уверовавшей в себя как высшее творение, венец человечества.

Из всего сказанного не следует делать однозначный вывод, что западные культуры в своем ценностном расчеловечивании достигли точки невозврата. Пока рано сгущать краски, поскольку объект нашего внимания сохраняет в себе здоровые ценности. Однако тенденции дегуманизации идут весьма быстро, побеждая своих гуманистических оппонентов. И эта динамика вызывает сильную тревогу за будущее западной цивилизации. В России сформировалась практически национальная культурная особенность в виде стремления интериоризировать западные ценности и социальные практики без тщательной рефлексии на предмет их социальной не-

¹⁴ Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008. С. 423.

обходимости для нашей страны¹⁵. И сегодня сохраняется опасность попыток перенесения новых европейских ценностей на российскую почву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003.
- Веретевская А.В. Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) // Вопросы философии. 2018. № 5. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1950&Itemid=52#_ednref11 (дата обращения: 08.12.2019).
- Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004.
- Дугин А.Г. Социология глобального общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 133–143.
- Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008.
- Жижек С. О насилии. М., 2010.
- Жижек С. Киногид извращенца: кино, философия, идеология. Сб. эссе / Предисл. А. Павлова. Екатеринбург, 2014 (а).
- Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки. М., 2014 (б).
- Запесоцкий Ю.А. Современная реклама как институт социально-культурной динамики // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 33–38.
- Ильин А.Н. Консьюмеризм как фактор антикультурной инновационности // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 171–181.
- Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от начала до Великой Победы. М., 2001.
- Михайлов Р. Новые тенденции в идеологии русофобии // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3 (42). С. 98–107.
- Самсонов А. Системный кризис капитализма, деградация человечества. А что ждет Россию? Ч. 2 // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/38095-sistemnyy-krizis-kapitalizma-degradaciya-chelovechestva-a-chto-zhdet-rossiyu-chast-2.html> (дата обращения: 06.12.2019).
- Федотова В.Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 45–53.
- Фурсов А. Тайная история // Завтра. URL: <http://zavtra.ru/blogs/tajnaya-istoriya> (дата обращения: 04.11.2019).

REFERENCES

- Buchanan P. Smert' Zapada [The death of the West]. M., 2003 (in Russian).
- Dugin A.G. Sociologiya global'nogo obshchestva [Sociology of global society] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2012. N 2. P. 133–143 (in Russian).
- Fedotova V.G. Edinstvo i mnogoobrazie kul'tur v usloviyah globalizacii [Unity and diversity of cultures in the context of globalization] // Voprosy filosofii. 2011. N 9. P. 45–53 (in Russian).
- Fursov A. Tajnaya istoriya [Secret history] // Zavtra. URL: <http://zavtra.ru/blogs/tajnaya-istoriya> (accessed: 04.11.2019) (in Russian).

¹⁵ Ильин А.Н. Консьюмеризм как фактор антикультурной инновационности // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 171–181.

Giddens E. Transformaciya intimnosti [The transformation of intimacy]. SPb., 2004 (in Russian).

Il'in A.N. Kons'yumerizm kak faktor antikul'turnoi innovatsionnosti [Consumerism as a factor of anti-cultural innovation] // *Voprosy filosofii*. 2016. N 4. P. 171–181 (in Russian).

Kara-Murza S.G. Sovetskaya civilizaciya: ot nachala do Velikoj Pobedy [Soviet civilization: from the beginning to the great Victory]. M., 2001 (in Russian).

Mikhailov R. Novye tendencii v ideologii rusofobii [New trends in the ideology of Russophobia] // *Mezhdunarodnye process*. 2015. Vol. 13. N 3 (34). P. 98–107 (in Russian).

Samsonov A. Sistemnyj krizis kapitalizma, degradaciya chelovechestva. A chto zhdyot Rossiyu? Ch. 2 [System crisis of capitalism, degradation of mankind. What awaits Russia? Part 2] // *Voennoe obozrenie*. Available at: <https://topwar.ru/38095-sistemnyy-krizis-kapitalizma-degradaciya-chelovechestva-a-chto-zhdet-rossiyu-chast-2.html> (accessed: 06.12.2019) (in Russian).

Veretinskaja A.V. Ob opasnostyah politicheskogo mifa dlya obshchestvennogo razvitiya (na primere mifa o mul'tikul'turalizme v Evrope) [About the dangers of a political myth for social development (on the example of the myth of multiculturalism in Europe)] // *Voprosy filosofii*. 2018. N 5. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1950&Itemid=52#_ednref11 (accessed: 08.12.2019) (in Russian).

Zapesotsky Y.A. Sovremennaya reklama kak institut social'no-kul'turnoj dinamiki [Modern advertising as a Institute of socio-cultural dynamics] // *Voprosy filosofii*. 2013. N 3. P. 33–38 (in Russian).

Žižek S. Ustroistvo razryva. Parallaksnoe videnie [The Device gap. Parallax vision]. M., 2008 (in Russian).

Žižek, S. O nasilii [On a violence]. M., 2010 (in Russian).

Žižek S. Kinogid izvrashchenca: kino, filosofiya, ideologiya: sbornik esse [Kinogid of pervert: cinema, philosophy, ideology: a collection of essays]. Yekaterinburg, 2014 (in Russian) (a).

Žižek S. Nakanune Gospodina: sotryasaya ramki [On the Eve of the Master: shaking the framework]. M., 2014 (in Russian) (b).